

ПЕПЕЛ

Однажды я поехала в Лосинку. Я уже вернулась из Австралии и любила родину вполне основательно, а Лосинку только что сдала Лешке, который писал диссертацию. Я первый раз туда ехала, за деньгами. 12 октября.

Лешка мне нравился. Он был младше на 12 лет, страшно смущался, а я смотрела на него как кормленая кошка на воробья, прикидывая, сожрать сразу или отложить на ужин. Вид квартиры меня шокировал. Коробки, мебель, барахло, и это в Лосинке, куда я лишнюю вилку принести не решалась. Разрушение было слишком наглядным. Я села в углу на кухне, выпила кофе и впала в печаль. Сытый кураж куда-то делся. Я подошла к окну. Там был сине-зеленый лес, дробный далекий город в желтом смоге, и знакомо бухали составы на станции.

– Ну, не надо грустить, – сказал Лешка. – Хотите выпить? Он был со мной на «вы».

Я выпила что-то безвкусное. Я хотела, чтобы Лешка ехал со мной в крематорий, потому что больше никто не собрался. Но он не предложил, а я не попросила.

К метро ехали на 244 автобусе. День был ледяной, солнечный, осенний, и это длилось вечно: горячий свет, синее небо и качание. Здорово мы ехали.

В метро была серая давка, вагоны, пересадки, а потом продуваемая всеми ветрами станция Выхино. К крематорию шла маршрутка. Почему-то я ехала одна. На полпути сели какие-то тетki с сумками, и быстро вышли, и я бегло удивилась, что здесь можно ходить за продуктами, гулять с детьми и вообще жить.

Ничего я не узнала, когда подъезжали. Водитель сказал – вон там – и махнул рукой неопределенно. Какие-то бабки продавали пластмассовые цветы. Молодой мужчина что-то осторожно укладывал на заднее сиденье. Я поняла, что.

Было холодно. Я прошла в ворота. Там была длинная аллея, а потом уже низкое разлапистое здание, которое я узнала. Я его обошла и пошла туда, где на табличке было написано: Выдача праха.

Оказалось, мне в другую дверь. Другую дверь я помнила прекрасно. Там была большая комната с образцами ваз в стеклянных шкафах, и какая-то женщина плакала в окно, похожее на амбразуру. Я встала не слишком близко и стала ждать.

Один раз она обернулась, но я ей махнула – ничего-ничего, и стояла.

Потом она ушла (ее поддерживал дядя средних лет, муж, наверное).

Я стала сбивчиво объяснять в окно: документы... у бабушки... бабушка не помнит, куда дела...

Бабушка была не при чем. Когда я уезжала в Австралию, оставила все бате. Вдруг ему понадобится, или самолет со мной упадет. А он потерял.

– Какое числа? Женщина в окошке разговаривала со мной, как с глухой.

– Тринадцатого! Нет, это не то. Десятого... Нет, двадцатого...

Она листала огромные толстые книги, разлинованные шариковыми ручками. Каждому – одна строка. Имя, адрес, ответственное лицо. Лицо – это я. Моя строка все не находилась. Книга кончилась, и у меня на секунду появилось ощущение полной, отчаянной безысходности, как в раннем детстве, когда я случайно забрела на пятый – последний – этаж: дальше некуда. Но тетка в окне взяла откуда-то другую книгу, и нашла. 21-го. Суббота.

– Не помните ничего, проворчала она.

Потом я с желтоватой квитанцией опять пошла туда, где Выдача.

Там было похоже на почту, где посылки принимают. Длинный прилавок, а за ним столы. Той, которая выдавала, долго не было. Я ждала. Потом она пришла.

Молодая толстая тетка в синем халате. Лет тридцати. Что у вас – она спросила – взяла квитанцию и опять ушла.

Мне совсем не хотелось, чтоб она скоро вернулась. Хотелось покурить и вообще посидеть и подумать.

Но она вернулась, неся в руках черную, пластмассовую – банку, вазу, коробку?

Урну. Я ее узнала мгновенно, и испугалась, заметив, что крышка приоткрыта. Поэтому сразу сунулась к квитанции – где расписаться?

Она сказала – сейчас, подождите, – и стала открывать крышку. Мне стало очень страшно. Я смотрела в пол.

– Смотрите! – голосом пионервожатой сказала она. – Ваш прах?

Банка была открыта, и в ней доверху был насыпан серый пепел. Он состоял из серых и черноватых кусочков. Они поблескивали.

– Мой, – вдруг громким и твердым голосом сказала я.

– Давайте.

– Сейчас, сказала она. – Я замурую.

И опять ушла. Мне стало все равно. Я не хотела больше курить, и сидеть не хотела. Я хотела забрать мой прах.

Она вернулась, и осторожно передала мне эту банку, из рук в руки. Крышка была примазана чем-то серым, глиной или раствором.

– Осторожно, еще не застыло, – сказала тетка. – Не переворачивайте. Здесь распишитесь.

Я вышла на улицу, и мне захотелось лечь на жесткие остатки травы. Сумка была ужасно тяжелая. Банка была в сумке. Я ее осторожно несла, но молнию застегнула до конца, чтоб никто не испугался. Аллейка была недлинная, но я долго шла. В конце стояла лавочка, и там я стала сидеть и курить. Люди любопытно взглядывали, когда проходили мимо, но мне теперь было все равно.

Солнце куда-то ушло. Я мерзла, ожидая автобус. Потом он пришел, пустой, и я сразу села. Он долго ехал, на остановках набивался народ. Мне хотелось ехать подольше. Был конец рабочего дня.

Я думала мельком, что это очень важно – то, что я сейчас делаю, но все эти соображения куда-то ускользали, получалось, я просто еду, как все эти люди, с тяжелыми сумками, уставшие, после работы. В метро я уже не пыталась ни о чем серьезном помнить, только ждала, когда же конец.

Анна Хоси

Дома, слава богу, никого не было. Я не могла понять, куда – ее. Ведь ему всегда было место в моей жизни, а тут – четыре комнаты – куда? Я мыкалась по чужой квартире с застегнутой наглухо сумкой, пристраивая ее то в один угол, то в другой, все было не так.

Кое-как место нашлось на пианино (на пианино – нормально?), в компьютерной комнате (компьютеры, он же любил, правильно?), рядом с тем местом, где я всегда работаю. Я подумала, что должно быть так – место немного безлично, но все же мое. Так она и стояла в углу – застегнутая наглухо черная сумка, рядом с моим рабочим местом.

Когда я выходила за него замуж, штамп о браке поставили в мой паспорт на страницу “воинская обязанность”.